

ЛЮБОВЬ
СКРЫВАЕТ
БОЛЬШЕ,
ЧЕМ КАЖЕТСЯ

ТО, ЧТО МЫ НЕ ПОМНИМ

ПРОШЛОЕ
ВСЕГДА НАХОДИТ
СВОЙ ПУТЬ

ДЕЛО №
18+

Надежда Б

То, что мы не помним

«Автор»

2026

Б Н.

То, что мы не помним / Н. Б — «Автор», 2026

Некоторые тайны лучше оставить в прошлом. Но прошлое не всегда готово молчать. После смерти Даниэля жизнь Лиз превращается в череду вопросов, на которые никто не хочет отвечать. Странные документы, чужие воспоминания и следы давно забытых событий постепенно складываются в картину, которой она боится поверить. Чем ближе Лиз подбирается к правде, тем сильнее понимает: опасность может скрываться не среди незнакомцев, а рядом с теми, кому она доверяла. Даже Александр — человек, к которому её неудержимо тянет, — хранит секреты, способные разрушить всё, что между ними возникло. Исчезновение Генри, смерть Даниэля и признания, которые приходят слишком поздно, связывают героев невидимой нитью. У каждого своя версия прошлого. У каждого есть причина молчать. И чем больше Лиз узнаёт, тем труднее отличить ложь от правды, предательство — от попытки защитить, а любовь — от опасной иллюзии. Когда правда наконец откроется, останется ли у Лиз хоть кто-то, кому она сможет доверять?

© Б Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом, который помнит	6
Глава 2. Вещи, которые остаются	9
Глава 3. Человек, который знал её имя	11
Г	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Надежда Б

То, что мы не помним

То, что мы не помним

Роман

Глава 1. Дом, который помнит

Дождь начался за сорок минут до Холфорда. Сначала по стеклу пошли отдельные капли, крупные и редкие, потом поезд вошёл в полосу, где вода стояла стеной, и за окном остались размытые зелёные пятна, заборы, чьи-то теплицы.

Лиз сидела у окна, прижавшись виском к холодному пластику, и держала на коленях сумку с папками. Чемедон стоял в проходе, тамбур уже наполнился людьми, которые начинали вставать за две остановки до своей. Восемь лет она не ездила этой дорогой, и ничего не изменилось: те же поля, та же река слева, тот же поворот, где состав всегда замедлялся без видимой причины.

Она достала телефон, посмотрела на время и убрала обратно. Письмо от Александра Рида пришло десять дней назад, короткое, деловое, с двумя датами на выбор. Она выбрала вторую, чтобы не выглядеть слишком нетерпеливой, и весь остаток недели злилась на себя за эту арифметику.

Платформа в Холфорде оказалась короткой. Поезд проехал вдоль неё и встал так, что последний вагон остался за навесом, и люди выходили прямо в дождь, придерживая сумки над головой. Лиз вышла последней, поставила чемедон на мокрый асфальт и подняла воротник.

Город начинался с стоянки такси, ларька с газетами и вывески автосервиса, у которой не горела половина букв. Дальше шла улица с домами из тёмного камня, с застеклёнными верандами, с водосточными трубами, выведенными прямо на тротуар. Вода била из них в асфальт с ровным шумом.

— К Корвуд-хаусу, — сказала она водителю, бросив чемедон в багажник.

Мужчина лет шестидесяти, в куртке поверх свитера, посмотрел на неё в зеркало.

— К Хартам, значит.

— На объект, — сказала Лиз. — Я по реставрации.

Он кивнул так, будто это ничего не меняло, и тронулся. Дворники ходили слишком быстро, скрипя по стеклу. За окном поплыли витрины, аптека, церковь с низкой оградой, потом дома стали реже, между ними появились сады с мокрыми яблонями.

— Дом большой, — сказал водитель. — Там сейчас народу много. С утра грузовики идут.

— Знаю.

— Вы раньше здесь жили?

— Училась, — сказала она. — Давно.

Он больше не спрашивал. На повороте с шоссе машина въехала в аллею, и Лиз узнала её раньше, чем успела об этом подумать: липы с двух сторон, посаженные слишком близко, ветки смыкаются над дорогой, и в дождь под ними почти сухо. Аллея была длинной, метров триста, и всё это время впереди сквозь стволы проступал дом, сначала как серое пятно, потом как тёмный фасад с двумя рядами окон и лесами, обступившими правое крыло.

Рабочие не прятались от дождя. Один стоял на лесах в жёлтой куртке и что-то прикручивал, двое таскали доски под брезентом, третий разматывал кабель от генератора. Возле крыльца дымился небольшой костёр в бочке.

Лиз расплатилась, вытащила чемедон и минуту стояла, держа его за ручку. Дом был такой же. Камень потемнел у основания, где вода стекала с крыши, на первом этаже одно окно заложено плёнкой, и лестница из трёх ступеней просела посередине, как проседала всегда. Но воздух вокруг дома был другим: пахло мокрой известью, машинным маслом и костром.

Прораб вышел ей навстречу от бочки, вытирая руки о штаны. Мужчина лет пятидесяти, с короткой седой бородой и очень внимательными глазами.

— Мисс Харт? Я Дойл. — Он не протянул руку, потому что ладонь была мокрая. — Вас предупредили, что отопления пока нет?

— Предупредили.

— Тогда пойдёмте, покажу, что успели. Только осторожно, на втором этаже доски не везде прибиты.

Она пошла за ним через холл, мимо сложенных в углу рулонов минваты, мимо стремянки, мимо ведра с засохшей штукатуркой. Лестница на второй этаж была закрыта лентой, но лента висела низко, и Дойл приподнял её рукой, пропуская Лиз вперёд.

— Архив вскрыли вчера, — говорил он за спиной. — Там сыро, но бумаги в шкафах, шкафы закрытые. Мы ничего не трогали.

Лиз остановилась на площадке и посмотрела вниз. Из холла дом тянулся дальше, в глубину, где коридор уходил вправо и терялся за поворотом. Оттуда тянуло холодом, и дверь в конце коридора была закрыта на два оборота, а сверху, над притолокой, висел замок, которого она не помнила.

— А там что? — спросила она.

Дойл поднялся на две ступени и посмотрел туда же, куда и она.

— Служебная часть. Кладовые, старый ход. По бумагам она в реставрацию не входит.

— Совсем?

— Совсем, — сказал он. — Нам велено её не трогать. Замок не наш, мы таких не вешаем. — Он помолчал. — Вы у Ричарда Вейла спросите, он всё знает. Он тут с самого начала.

Это имя прозвучало обыденно, как название улицы, и Лиз кивнула, будто оно ничего не задело. Ричард приезжал к ним домой, когда она была подростком. Он привозил коробки конфет, которые мать потом перекладывала в вазу, и умел разговаривать с отцом так, что тот переставал кричать. Он же занимался бумагами после смерти Даниэля. Он же говорил ей: девочка, тебе нужно уехать, здесь ты себя только измучаешь.

Она поднялась на второй этаж. Здесь воздух был плотнее, пахло мокрой штукатуркой и старой пылью, поднятой с пола. Двери в комнаты стояли открытыми, из одной торчали провода, в другой на подоконнике лежала забытая перчатка.

— Вот архив, — сказал Дойл, толкнув дверь в конце площадки.

Комната оказалась небольшой, с одним окном, забранном решёткой изнутри, и двумя шкафами во всю стену, тёмными, с латунными ручками. На полу лежал рулон линолеума, кто-то придвинул к стене стремянку, а посередине стоял стол, заваленный папками, и от этого стол казался единственной вещью в комнате, которую кто-то двигал за последние годы.

Лиз подошла к шкафу и открыла дверцу. Внутри, на полках, стояли картонные коробки с номерами, папки с завязками, несколько общих тетрадей. Она вытянула первую папку, раскрыла на ладони. Счета за уголь, шестьдесят восьмой год. Вторая: страховые бумаги, семьдесят девятый. Она закрыла дверцу.

— Сколько здесь всего?

— Коробок сорок, может, пятьдесят, — сказал Дойл. — Мы их не разбирали.

— Хорошо. Я сама.

— Как скажете. — Он потоптался. — Мисс Харт, вы бы поели. У нас в бочке вода, чайник есть, но в доме никого до утра не будет.

— Я не останусь ночевать.

— И правильно.

Он ушёл вниз, и через минуту в холле зашумели голоса, застучали доски, кто-то засмеялся и тут же получил замечание. Лиз постояла ещё немного у шкафа, потом вышла на площадку и села на верхнюю ступеньку, положив папки рядом. Отсюда был виден холл и входная дверь, за которой шёл дождь. Он не прекращался ни на минуту с самого поезда и, судя по тучам за окнами, собирался идти до вечера.

Она вытащила телефон, чтобы написать матери, что доехала, и не написала. Вместо этого открыла заметки и набрала: «Служебная часть — не в проекте. Замок». Потом посмотрела на эту запись и стёрла её.

Машина подъехала к крыльцу в четверть двенадцатого. Тёмный внедорожник, чистый, с пашечками грязи только по порогам, и мотор у него работал так тихо, что Лиз скорее почувствовала его через ступеньки, чем слышала.

Водитель вышел первым и раскрыл зонт, но человек, сидевший сзади, зонта не взял. Он вышел в дождь, не торопясь, и пошёл к крыльцу, и Лиз смотрела на него сверху, на его плечи, на тёмное пальто, на то, как он обошёл лужу у ступеней, будто знал, где она.

Она узнала его раньше, чем поняла, откуда. Может, по походке. Может, по тому, как он поднял голову и посмотрел на леса, а не на ступени.

Восемь лет назад в этом доме был человек в тёмном пальто. Он стоял внизу, в холле, и что-то говорил её матери, и у него был тот же голос, ровный, доказывающий, что всё можно устроить.

— Мисс Харт, — сказал он, подходя к лестнице и остановившись у ленты. — Я Александр Рид. Мы с вами разговаривали по телефону.

— По телефону, — повторила она и встала.

Глава 2. Вещи, которые остаются

Вечером Лиз позвонила матери. Она собиралась сделать это ещё в поезде, потом в машине, потом, когда впервые увидела закрытую дверь служебного крыла. Каждый раз находилась причина отложить разговор: плохая связь, рабочие, усталость. Теперь телефон лежал на столе рядом с письмом Даниэля, и откладывать стало труднее, чем говорить. Мать ответила после пятого гудка. На заднем плане негромко работал телевизор. Лиз знала, что мать давно не смотрит ничего до конца: включает звук, чтобы дом не казался пустым.

— Ты добралась? — спросила она.

— Да. Здесь всё так же.

— Ничего не бывает так же, Лиз. Лиз посмотрела на тёмное окно. В нём отражались лампа, край стола и её собственное лицо — уставшее, будто поездка заняла не несколько часов, а восемь лет.

— Ты помнишь, что происходило в Корвуд-хаусе в ту пятницу? Не то, что все рассказывали потом. Что ты сама помнишь. На другом конце стало тихо. Не совсем тихо: телевизор продолжал бормотать, где-то звякнула посуда. Но мать перестала дышать в трубку так, как делала обычно, когда искала слова.

— Зачем ты спрашиваешь?

— Потому что я больше не хочу жить внутри чужих ответов.

— Мы уже говорили об этом.

— Нет. Ты говорила, что Даниэль был пьян, что он поскользнулся, что Генри был последним, кто его видел. Я слушала. Это не одно и то же, что говорить. Мать произнесла её имя — не резко, а устало. В этом усталом звуке Лиз вдруг услышала не запрет, а страх. Мать боялась не самой правды, а того, что правда потребует от них снова стать семьёй, которой они уже не умели быть.

— Даниэль был в ужасном состоянии последние недели, — сказала мать.

— Он почти не спал. Ссорился с отцом. Я думала, если не задавать вопросы, он успокоится.

— А потом он умер, и вопросов стало слишком много.

— Я не могла потерять и тебя. Лиз закрыла глаза. Это была фраза, которой мать объясняла всё: молчание, переезд, нежелание хранить вещи сына, запрет произносить имя Генри. Она была правдой, но не всей правдой. Иногда именно половина правды и становилась клеткой.

— Ты не потеряла меня, — сказала Лиз.

— Ты просто перестала со мной разговаривать. Мать заплакала тихо, без всхлипов. Лиз не стала утешать её немедленно. Раньше она всегда делала это — ещё подростком, когда мать сидела на кухне с чашкой остывшего чая, а Лиз старалась быть спокойной за двоих. Теперь она позволила тишине остаться между ними.

— Я не знаю, что произошло в ту ночь, — наконец сказала мать.

— Я знаю только, что Ричард приехал к нам до того, как позвонили из полиции. Он сказал, что нужно быть готовыми к плохим новостям. Я спросила, откуда он знает. Он ответил, что ему сообщили из дома.

— Кто сообщил?

— Не помню. Или не хочу помнить. Тогда мне казалось, что если я не буду цепляться за детали, я смогу пережить главное. Лиз записала это в блокнот. Не как доказательство — пока лишь как воспоминание, которое нужно проверить.

— Мам, если я найду что-то, чего ты не хочу знать, я всё равно расскажу тебе.

— Я понимаю.

— Нет. Но, может быть, однажды поймёшь.

Они попрощались без обещаний перезвонить. Лиз положила телефон экраном вниз и ещё несколько минут сидела неподвижно. Ей хотелось злиться на мать за слабость, на Ричарда — за то, что он, возможно, использовал эту слабость, на себя — за то, что даже сейчас часть её хотела найти объяснение, при котором никто из них не был бы виноват. Потом она написала: «Ричард знал о смерти до звонка полиции. Проверить время». Ниже добавила: «Не путать страх с невиновностью».

За стеной кто-то передвинул ящик. Корвуд-хаус отзывался на каждый звук, словно у него были собственные суставы и память. Лиз погасила лампу, но письмо Даниэля оставила на столе. Сегодня она не собиралась прятать его обратно.

Ночью она достала конверт, который нашли рабочие. Пальцы почти не дрожали — теперь она научилась держать бумагу так, будто она уже знала, что в нём будет. Свет от уличного фонаря падал на стол только одним углом, делая буквы чуть размытыми. Она прочитала снова, и в этот раз слово «семьёй» зацепило сильнее, чем раньше.

Она вспомнила, как мать в те дни после смерти Даниэля почти не говорила. Сидела на кухне, держала чашку, которую Лиз сама мыла, и смотрела в одну точку. Не из-за слёз — мать не плакала при ней. Просто молчала, и молчание это было тяжёлым, как будто она тащила на себе весь дом.

Лиз закрыла глаза. Она не хотела верить, что мать когда-то решила за неё. Но теперь, после письма, это решалось самой. И она не знала, что страшнее: вина за то, что не спросила, или вина за то, что хотела узнать.

Телефон завибрировал. Сообщение от Александра:

«Журналы доступа готовы. Привезу завтра утром. Если нужно — могу заехать раньше.»

Она ответила одним словом:

«Спасибо.»

И закрыла глаза. Завтра она снова увидит его. И снова будет спрашивать себя, не решает ли он за неё, какую правду ей можно знать.

А сегодня она просто держала письмо Даниэля и слушала, как дождь стучит по крыше Корвуд-хауса. Дом не молчал. Он помнил всё.

Глава 3. Человек, который знал её имя

Комната, которую на объекте называли кабинетом, была бывшей гардеробной при спальне: узкая, с окном в сад, с одним стулом и столом, перетащенным сюда из холла. Кто-то поставил на подоконник электрический обогреватель, и он гудел, как большой шмель, поворачиваясь из стороны в сторону.

Александр снял пальто и повесил его на дверную ручку. Под пальто оказался тёмно-серый свитер, рукава чуть подвёрнуты, часы с потёртым ремешком. Он пододвинул Лиз стул, а сам остался стоять, разложив на столе чертежи.

— Это первоначальная опись, — сказал он, придерживая рулон ладонью. — Мы её сделали в августе, до вас. Здесь всё, что подлежит реставрации по договору, и всё, что мы предлагаем добавить.

Лиз села, развернула чертёж к себе. Бумага была плотная, ватман, на углах уже подмятая. Знакомые линии: холл, гостиная, столовая, два крыла, надворные постройки. Она провела пальцем по правой стороне.

— А служебная часть?

— Её в проект не включали.

— Почему?

— Потому что она не нужна для основной задачи, — сказал он ровно. — Вы восстанавливаете фасад и жилые комнаты. Служебное крыло — это кладовые, старый водопровод и вход в подвал. Денег уйдёт много, а смотреть на это никто не будет.

— Я смотрела. Утром.

— И что вы увидели?

— Замок, — сказала Лиз. — И то, что меня туда не пустили.

Он не удивился. Посмотрел на неё, потом на чертёж, и в его лице ничего не сдвинулось, но пауза оказалась на полсекунды длиннее нужного.

— Вас туда и не должно было ничего пускать, — ответил он. — Там нет освещения, нет отопления и опасные перекрытия. Прораб не имел права вас вести в служебную часть, и он этого не сделал.

— Он не имел права и на второй этаж меня вести, а всё-таки повёл.

— Второй этаж есть в проекте. — Он поднял карандаш и постучал по правому крылу. — Служебной части в проекте нет. Если вы хотите её добавить, я не против. Напишите обоснование, я отдам сметчику, к четвергу будет цифра. Пока цифры нет, обсуждать нечего.

Он говорил дело, и раздражало именно то, что придраться было не к чему.

— Хорошо, — сказала Лиз. — Тогда по фасаду. У вас в описи штукатурка идёт под полную замену, а левая стена, у кухни, держится на извёстке. Там ремонта на два месяца и он дешевле. Если мы сохраняем историческую поверхность, её нельзя сбивать.

— Её нельзя сохранить, потому что она осыпается.

— Она осыпается в трёх местах.

— В семи, — сказал он, и на этот раз в его голосе что-то прошло, похожее на интерес. — Я считал. Пойдёмте, покажу.

Они вышли из кабинета, спустились, и в холле он показал ей, где именно, провёл по стене ладонью, и штукатурка отвалилась под пальцами куском размером с монету. Лиз присела, подняла кусок, растёрла между пальцами.

— Это не извёстка, — сказала она. — Это цемент с песком, и он положен поверх. Сняли старую обмазку, замазали быстрее, чем надо. Так делают, когда надо успеть к приёмке.

— Так делали в восьмидесятых, — сказал Александр. — Откуда вы знаете?

— Я работала на реставрации ратуши в Уилби. Там то же самое было с северной стеной, только хуже. — Она встала. — Мы снимали послойно и делали анализ. Два месяца, и стена как новая.

Он смотрел на неё чуть дольше, чем требовалось для вежливости.

— Я знаю про ратушу, — сказал он. — Вы руководили работами с той стороны. Там ещё была история с подрядчиком, который ушёл с авансом.

— Он не ушёл. Его фирма обанкротилась, а он вернулся и доработал бесплатно.

— Этого в отчёте не было.

— В отчёте было не всё, — сказала Лиз.

Разговор на секунду провис. Обогреватель в кабинете наверху щёлкнул и перестал гудеть, и стало слышно, как в саду с крыши льётся вода.

— Вы читали отчёт по ратуше, — сказала она. — Зачем?

— Перед тем как брать человека на объект, я читаю всё, что могу найти. — Он сказал это без всякого извинения. — Включая ваш диплом. Вы писали про методы консервации деревянных перекрытий, верно? Там есть страница о том, как вы работали с крепежом в Кенте. Я потом показывал её нашему инженеру.

— Мне двадцать восемь, — сказала Лиз. — Я сдаю экзамен на объекте какого-то человека, который восемь лет назад... — Она остановилась, потому что не собиралась этого говорить.

— Который восемь лет назад что? — спросил он спокойно.

— Ничего. — Она подняла с пола сумку. — Сколько у вас времени? Я бы хотела пройти по левому крылу, пока бригада не ушла на перерыв.

Александр посмотрел на часы.

— Час. Потом мне нужно уехать.

Левое крыло было пустым и холодным, но здесь, в отличие от служебной части, работа шла: стены очищены до камня, пол застелен плёнкой, в углу стояли мешки со смесью. Они прошли по коридору, и Александр говорил короткими фразами, как человек, который знает объект наизусть: где сгнила балка, где придётся менять перекрытие, где можно обойтись укреплением.

Лиз слушала и одновременно смотрела по сторонам. В комнате с эркером на подоконнике остался след от горшка, тёмный круг на краске. В соседней, угловой, дверь на балкон была заколочена фанерой изнутри, и на фанере чьей-то рукой был нарисован карандашный корабль, парус и три волнистые линии.

— Детское, — сказал Александр, поймав её взгляд. — Здесь до войны была школа, потом лазарет, потом опять жили. Дом менял назначение чаще, чем хозяев.

— Я знаю эту комнату, — сказала Лиз.

Он остановился.

— Знаете?

— Мы с братом играли здесь, когда были маленькие. — Она провела пальцем по фанерному кораблю, но краска была старой, карандаш не стёрся. — Потом отец запретил сюда ходить. Сказал, что пол ненадёжный.

— Пол и правда был ненадёжный. — Он помолчал. — Значит, вы здесь всё-таки выросли.

— Не выросла. Провела несколько лет.

— У вас в отчёте выходит, что вы провели в этом городе шесть лет и уехали в двадцать.

Лиз убрала руку от фанеры.

— В каком отчёте?

— В вашей анкете, — сказал он, и голос у него был совершенно ровный. — Мы оформляли договор, там есть пункт о предыдущем месте жительства.

— Там есть пункт о последнем месте жительства. Про этот город я не писала.

Он не стал спорить и не стал извиняться. Отвернулся, посмотрел в окно, где дождь шёл уже по-другому, мельче и ровнее, и сказал:

— Я знал, что вы вернётесь. Ещё до того, как вы отправили согласие.

— Почему?

— Потому что никто не берётся за реставрацию дома, где умер его брат, из чистого интереса к штукатурке.

Лиз почувствовала, как поднимается от желудка к горлу горячая волна, и постаралась, чтобы это не вышло на лицо. Она смотрела на его затылок, на седую нить у виска, которой раньше не заметила.

— Вы были здесь в ту ночь, — сказала она. — Восемь лет назад. Я вас видела.

Александр обернулся.

— Была гроза. Вы стояли внизу и разговаривали с матерью. На вас было тёмное пальто, и оно было мокрое до колен, хотя машина стояла у крыльца. — Она сама не знала, зачем это говорит. — Мать потом сказала, что вы ей помогали. С бумагами, с полицией, со всем.

— Помогал, — согласился он. — Насколько мне позволяли.

— А брата вы знали?

Он смотрел на неё, и лицо у него было как в ту ночь: ровное, вежливое, ничем не выданное.

— Я знал Даниэля. Не близко.

— Что значит «не близко»?

— Значит, что мы пересекались. — Он взглянул на часы, коротко и почти незаметно, но Лиз увидела. — Мисс Харт, у меня через сорок минут встреча в городе. Давайте я пришлю вам реестр работ с разбивкой по месяцам, вы посмотрите, и в пятницу обсудим.

— Я спросила про брата.

— И я ответил. — Он отступил к двери. — Вы приехали сюда работать. Я нанял вас, чтобы вы работали. Если каждый разговор будет возвращаться к тому, что случилось восемь лет назад, мы ничего не отреставрируем.

— А если я хочу вернуться?

— Тогда начните с проекта, — сказал он. — Он у вас на руках.

Он вышел в коридор, и через минуту Лиз услышала, как внизу открылась и закрылась входная дверь. Мотор у внедорожника работал тише, чем дождь.

Она осталась в комнате с заколоченной дверью. На фанере под кораблём был нарисован второй, поменьше, и волны шли за край листа. Даниэль рисовал плохо, но настаивал, что это шторм.

Лиз достала телефон и набрала в заметках: «Александр Рид. Знает больше, чем говорит. Проверить: что он делал в ту ночь». Потом посмотрела на строчку и поняла, что не сотрёт её, даже если заставит себя.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.